

А.А. Кожаева*

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ
В ВОСПРИЯТИИ «ЛИШЕНЦЕВ»
НОВОСИБИРСКА (1925–1936 ГОДЫ)**doi:10.31518/2618-9100-2024-1-10
УДК 94(47+57).084

Выходные данные для цитирования:
Кожаева А.А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев»
Новосибирска (1925–1936 годы) // Исторический курьер. 2024. № 1 (33).
С. 155–165. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-10.pdf>

A.A. Kozhaeva*

**SOCIAL AND LEGAL DISCRIMINATION
IN THE PERCEPTION OF PERSONS DEPRIVED OF VOTING
RIGHTS IN NOVOSIBIRSK (1925–1936)**

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-10

How to cite:
Kozhaeva A.A. Social and Legal Discrimination in the Perception of Persons Deprived
of Voting Rights in Novosibirsk (1925–1936) // Historical Courier, 2024, No. 1 (33),
pp. 155–165. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-10.pdf>]

Abstract. The Constitution of the RSFSR was adopted by the Fifth All-Russian Congress of Soviets in July 1918. It defined categories of individuals who were deprived of the right to actively or passively take part in elections. By the second half of the 1920s, the campaign of “disenfranchisement” was finally formalized and had a significant impact on individuals who were on discriminatory lists. This article focuses on examining the perception of persons deprived of voting rights in Novosibirsk of their own status after discrimination. Based on the analysis of petitions for the restoration of the rights, the mechanisms of the “disenfranchisement” are reconstructed from the perspective of the direct participants in those events. The reactions of petitioners to the deprivation of their voting rights are identified. Additionally, the discriminatory restrictions in the everyday lives of persons deprived of voting rights are determined. These restrictions were described in the petitions for the restoration of the rights. Therefore, conclusions about the extent to which electoral discrimination influenced the status of persons deprived of voting rights in post-revolutionary society are drawn.

Keywords: deprived, social and legal discrimination, marginality, Novosibirsk, USSR.

*The article has been received by the editor on 27.10.2023.
Full text of the article in Russian and references in English are
available below.*

Аннотация. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г., определила категории лиц, которые лишались права принимать активное или пассивное участие в выборах. Окончательно оформленная ко второй половине 1920-х гг. кампания «лишенчества» оказывала существенное влияние на лиц, оказавшихся в дискриминационных списках. Статья посвящена исследованию восприятия «лишенцев» Новосибирска собственного статуса после дискриминации. На основе анализа ходатайств, подававшихся «лишенцами» с целью восстановиться в избирательных правах, реконструируются механизмы осуществления кампании «лишенчества» от лица непосредственных участников событий. Выявлены реакции авторов ходатайств на лишение избирательных прав. Кроме того, определены дискриминационные ограничения в повседневной жизни «лишенцев», о которых они писали при обращении в избирательные

* Альбина Алексеевна Кожаева, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Albina Alekseevna Kozhaeva, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

комиссии разных уровней. Таким образом, сделан вывод о том, в какой мере избирательная дискриминация влияла на положение «лишенцев» в постреволюционном обществе.

Ключевые слова: «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, Новосибирск, СССР.

Статья поступила в редакцию 27.10.2023 г.

1918 год имел принципиальное значение для формирования советской институциональной системы. Избирательная сфера не была исключением, поскольку уже в первой Конституции РСФСР оформлялись структура и порядок выборов во вновь созданном государстве. Новосибирская исследовательница М.С. Саламатова отметила преемственность советской избирательной системы, показав, что основные ее процедуры были заимствованы советской властью из дореволюционного опыта: «большевики, декларируя полный разрыв с дореволюционными традициями в 1918 г., опираясь на опыт выборов в советы, в модернизированном виде воспроизвели базовые черты дореволюционной избирательной системы»¹. «Новшеством» в избирательной структуре являлся принципиально новый подход к определению категорий лиц, лишенных избирательных прав. И хотя дореволюционные имущественные и гендерные цензы также отстраняли от выборов значительную часть населения, советская кампания по лишению прав носила характер социально-правовой дискриминации.

Устройство избирательной системы стало одной из центральных тем споров и противоречий внутри комиссии, занимающейся подготовкой текста будущей Конституции. Отдельные члены комиссии (юрист М.А. Рейснер и нарком по делам национальностей И.В. Сталин) подготовили проекты Основного закона. В проекте, предложенном И.В. Сталиным 12 апреля 1918 г., присутствовало перечисление лиц, которые должны были быть лишены избирательных прав². Категории, входившие в этот проект, в большей мере соотносятся с вошедшими в итоговый текст Конституции³. Таким образом, ст. 65 Конституции РСФСР определила семь категорий «лишенцев»: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором»⁴.

В первые годы осуществления кампании «лишенчества» ключевой идеей, объясняющей цели избирательной дискриминации, становилось стремление новой власти избавиться от «врагов» в виде различного рода «эксплуататоров». Особый акцент делался на временности и вынужденных обстоятельствах такой борьбы. Однако дискриминационные меры советского правительства со временем не только не сокращались, но и принимали

¹ Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск, 2018. С. 36.

² Общие положения (проект товарища И.В. Сталина) и план построения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, проект Декларации прав и обязанностей трудящихся (газетная вырезка) и положение о Советах // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prilib.ru/item/711492> (дата обращения: 12.03.2023).

³ Однако в проекте И.В. Сталина отсутствовала категория лиц, терявших права за «корыстные и порочащие преступления». Эта категория появилась в тексте Конституции в результате последующих обсуждений внутри комиссии.

⁴ Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

более жесткие формы. К концу 1920-х гг. список «лишенцев» был расширен за счет появления следующих категорий: «административно-ссылные граждане»⁵; «члены семей лиц, лишенных избирательного права»⁶; «бывшие белые офицеры, военные чиновники белых армий и руководители контрреволюционных банд»⁷. Таким образом, численность «лишенцев» к концу 1920-х гг. составила 3 716 855 человек⁸. Однако тяжесть кампании «лишенчества» определяется далеко не количественными показателями, а многочисленными ограничениями в повседневной жизни, которые автоматически накладывал статус «лишенца».

В советской историографии правомерность осуществления кампании «лишенчества» не подвергалась сомнению. Напротив, исследователи отмечали необходимость указанной практики в целях трудового «перевоспитания эксплуататорских классов»⁹. Одним из первых исследователей, обратившихся к проблеме «лишенчества» с новых позиций, стал А.И. Добкин¹⁰, обозначивший круг многообразных последствий «лишенчества», связанных с сопутствующими ограничениями в жизни лиц, попавших в дискриминационные списки. Следующим шагом на пути к переосмыслению указанной кампании стало ее многостороннее изучение историками на основе архивных материалов¹¹. Историкам и правоведам удалось реконструировать механизмы осуществления кампании «лишенчества», определить особенности ее осуществления в различных регионах страны. Однако все еще ощущается явный недостаток работ, посвященных дискурсу, исходившему от самих дискриминированных. Представляется необходимым продолжение изучения личного взгляда «лишенцев» на происходящие события в их жизни.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает термин «восприятие», которое, опираясь на подход Т. Парсонса¹² к определению структуры социального действия, мы понимаем как субъективное отношение актора социального действия к ситуации. Выявление восприятия «лишенцев» возможно на основе анализа ходатайств, которые они писали и направляли в различные инстанции для восстановления в избирательных правах. Таким образом, целью настоящего исследования является реконструкция реакций «лишенцев» на социально-правовую дискриминацию. Под последним мы понимаем отношение к различным группам советского населения, выраженное в отсутствии избирательных прав и в наличии комплекса сопутствующих ограничений. Согласно концепции социального доминирования, предложенной исследователями социальной психологии Ф. Пратто, Д. Сиданиусом и др., система иерархии в обществе строится на способности одной группы доминировать над другой на основе наличия или отсутствия определенных характеристик (религиозная принадлежность, политические взгляды, социальный статус и пр.). Возможность существования социального доминирования обуславливается содержанием легитимирующих мифов¹³: патерналистских,

⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУ РСФСР). 1922. № 51. Ст. 646.

⁶ СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18, п. «д».

⁷ СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 15, п. «к».

⁸ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 15.

⁹ См., например: Ким А.И. Советское избирательное право: Вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М., 1965; Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М., 1960; Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

¹⁰ Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 600–628.

¹¹ См., например: Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105; Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. М., 1996. С. 9–23; Саламатова М.С. Выборы в Советской России...; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. 256 с.; и др.

¹² Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002.

¹³ Sidanius J., Pratto F., Devereux E. A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 1992. Vol. 132, Iss. 3. P. 377–395. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713> (дата обращения: 10.03.2023).

взаимовыгодных или сакральных. Социально-правовая дискриминация послереволюционного советского социума возникла в результате одновременного действия патерналистского мифа о необходимости уничтожения «чуждых» групп населения, а также сакральной идеи о превосходстве трудящихся над другими категориями населения страны.

Для реализации поставленной цели привлечены ходатайства о восстановлении в правах, хранящиеся в личных делах «лишенцев» Новосибирска в Государственном архиве Новосибирской области. Исследовательская выборка составляет 13,5 % (328 «лишенцев») от общего количества личных дел (2 423), хранящихся в фонде Исполнительного комитета Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся¹⁴. При формировании указанной выборки применялся метод стихийной социологической выборки, когда при составлении выборки не учитывается пол, возраст, социальный класс и прочие внешние характеристики. Указанный метод рационально использовать при разрозненном хранении источников.

Ходатайства «лишенцев» – особый вид исторического источника, позволяющий реконструировать кампанию «лишенчества» через восприятие лиц, непосредственно попадавших под дискриминацию. Созданные с конкретными делопроизводственными целями ходатайства одновременно обладают рядом характеристик, присущих эго-источникам (субъективность, экспрессивность, ретроспективность и др.). Желая восстановиться в избирательных правах, авторы ходатайств самостоятельно определяли его структуру и аргументацию. Однако на субъективное, на первый взгляд, повествование ходатайств влияло много объективных и субъективных факторов – категория лишения избирательных прав, а также приоритеты органов власти в отношении «лишенцев». Однако значимость анализа ходатайств «лишенцев» для настоящего исследования действительно высока, поскольку именно он позволяет выявить взгляд «лишенцев» на собственный статус и положение.

Как отмечено выше, содержание ходатайства определялось в том числе категорией лишения, под которую попадал тот или иной человек. В табл. 1 представлено соотношение различных категорий «лишенцев» в нашей выборке. Большинство «лишенцев» Новосибирска относились к категориям частных торговцев и предпринимателей¹⁵ (25,3 %, или 83 «лишенца»), бывших белых офицеров (21,6 %, или 71 «лишенец») либо являлись иждивенцами «лишенцев» (19,2 %, или 63 «лишенца»). 12,8 % авторов ходатайств являлись административно-ссылными «лишенцами» (или 42 чел.). В сравнении с сельской местностью в городе невелик был процент лишенных избирательных прав за использование наемной силы (7,6 %, или 25 «лишенцев»). Часть «лишенцев» нашей выборки относилась сразу к двум категориям: например, живущим на «нетрудовой доход» и использующим наемный труд, а также торговцам, использующим наемный труд. Таким образом, 22 «лишенца» (6,7 %) обвинялись в получении нетрудовых доходов (получение доходов от заводов, кустарного промысла и пр.). Невелик, по сравнению с другими категориями, оказывался процент священнослужителей (0,9 %, или 3 «лишенца»), а также бывших полицейских и судей (2,7 %, или 9 «лишенцев»). Пораженные в правах представляли собой «временных лишенцев», поскольку срок их правовой дискриминации ограничивался временными рамками, установленными судом. Однако 10 «лишенцев» (3 %) указанной категории обращались к избирательным комиссиям с самостоятельными ходатайствами.

Часть «лишенцев» Новосибирска при описании причин лишения избирательных прав (1925–1936 гг.) не указывала причин дискриминации в своих ходатайствах. В таком случае установление причин включения в дискриминационные списки того или иного «лишенца» осуществлялся нами или исходя из последующего повествования, или из сопутствующих документов в деле, или на основе списков «лишенцев». Однако статус четырех «лишенцев» в выборке так и не был установлен.

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1347. Оп. 1а. Исполнительный комитет Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся.

¹⁵ Автор статьи сознательно объединяет эти две группы, поскольку и на занятие торговлей, и на занятие предпринимательской деятельностью необходимо было выбирать патенты у финансовых органов.

Таблица 1

Категории «лишенцев» Новосибирска в 1925–1936 гг. (чел., %)*

Категория	Кол-во «лишенцев»	% от «лишенцев» в выборке
Торговцы и предприниматели	83	25,3
Бывшие белые офицеры	71	21,6
Члены семей «лишенцев»	63	19,2
Административно-ссылные	42	12,8
Лица, использующие наемный труд	25	7,6
Лица, живущие на «нетрудовые доходы»	22	6,7
Пораженные в правах по суду	10	3
Бывшие полицейские и судьи	9	2,7
Служители церкви	3	0,9
Причина не установлена	4	1,2

* Составлено по: Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Следом за упоминанием причины лишения избирательных прав нередко располагалось изложение собственного взгляда на справедливость этого действия. Автором статьи выделены основные стратегии, используемые «лишенцами» Новосибирска при описании ими причин дискриминации (табл. 2.). Отметим, что некоторые «лишенцы» могли использовать разные стратегии в разных ходатайствах, поэтому мы относили их к нескольким группам. Таким образом, в этом случае был рассчитан процент «лишенцев» от числа таковых в нашей выборке, а не от суммарного количества, представленного в таблице.

Таблица 2

Стратегии «лишенцев» Новосибирска при описании причин лишения избирательных прав (1925–1936 гг.)*

Стратегия	Кол-во «лишенцев»	% от числа «лишенцев» в выборке
Упоминание причины лишения избирательных прав без формулировки собственного мнения	135	41,2
Считали лишение избирательных прав «неправильным»/«неверным»/«ошибочным»	85	25,9
Не упоминали причин «лишения»	61	18,6
Считали лишение избирательных прав «несправедливым» и/или «незаслуженным»	18	5,5
Считали лишение избирательных прав «незаконным»	18	5,5
Считали отнесение их к «лишенцам» «недоразумением»	8	2,4
Считали, что основания к лишению их избирательных прав отсутствовали	8	2,4
Признавали свои «ошибки» в прошлом	6	1,8
Не чувствовали за собой «вины»	5	1,5
Ссылались на «ложные материалы», ставшие причиной лишения их избирательных прав	5	1,5
Считали, что не должны были быть лишены избирательных прав	5	1,5
Не соглашались с лишением их избирательных прав	1	0,3

* Составлено по: Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

135 «лишенцев» выборки предпочли указать причину «лишения» без дальнейшей рефлексии о ее справедливости. Однако большинство «лишенцев» в разных формах предпочитали высказывать собственное мнение о сложившейся ситуации. Самой распространенной стратегией являлось указание неправильности принятого решения (ее использовали 66 «лишенцев» Новосибирска): «и если я лишен голоса избирательных прав ввиду того, что живу у тестя и работаю [–] это не есть преступление с моей стороны, и [я] открыто заявляю [–] это неправильно»¹⁶; «уже тот факт, что я не мог принимать участие в последних выборах, угнетает меня как неправильно отстраненного от выборов»¹⁷; «Еще основанием сельизбиркома служило, что я будто бы служитель религиозной культ-секты, но это в корне не верно»¹⁸.

В большинстве случаев «лишенцы» не соглашались с отнесением их к «чуждым элементам», используя при этом различные языковые конструкции: «недоразумение», «несправедливо», «незаслуженно», «не чувствую за собой вины», «не должен быть лишен голоса» и пр. Так, бывший белый офицер И.М. Абалдуев в своем ходатайстве писал: «Не возражая формально, имею основание полагать, что по существу названный факт является по отношению ко мне несправедливым и незаслуженным»¹⁹. Г.Н. Азаров, до революции на протяжении 10 месяцев служивший городовым в Новониколаевске (за что и был лишен избирательных прав), не считал свою работу в прошлом основанием для лишения его избирательных прав в настоящем. Более того, мужчина описывал факт получения им такой должности как достижение: «Вины моей в том, что я был “городовым”, нельзя считать, ибо в прежнее время без протекции бедняк, выйдя с военной службы, поступил на службу с величайшим трудом»²⁰.

Гораздо реже «лишенцы» соглашались с предъявленными обвинениями (в нашей выборке всего 6 «лишенцев»). Авторы ходатайств, использующие такую стратегию, могли писать, что это была «незначительная ошибка»²¹ в прошлом, а также указывать, что они не отрицают причин лишения. Так, например, В.К. Гредюхин, пораженный в правах по суду, писал: «я Гредюхин Василий Климентьевич по списку лишенных избирательных прав числился, как якобы поражен в гражданских правах по суду, этого я не отрицаю, но ведь срок наказания я отбыл»²². Д.К. Барбасенко, лишенный избирательных прав за занятие торговлей, писал: «товарищи[,] рассматривающие мое заявление[,] могут убедиться в том, что действительно я не эксплуататор чужого труда, а все время занимался своим трудом, а если я и нанес ошибочно, т.е. попадал в грязное дело, из которого вылез тотчас же»²³.

Образ человека, включенного в список лиц, лишенных избирательных прав, наделялся советским обществом негативными чертами. Доктринально культивируя борьбу с «эксплуаторскими классами» и вовлекая низы в борьбу за социальную справедливость, государство выполняло функцию переадресации первопричинности проблем социальных масс, чье положение мало изменилось после большевистской революции. К схожим выводам пришел американский историк Д. Смит, анализирующий жизнь бывших дворян после революционных событий 1917 г.: «Живучесть образованной элиты, значительную часть которой составляли дворяне, вызывала разочарование и недовольство классов, именем которых делалась революция, но одновременно давала новой власти удобный аргумент для оправдания того, почему реальность не соответствовала ее пафосным обещаниям. Социализм все еще не

¹⁶ Заявление Ворожцова Н.Т. в Новосибирский городской совет от 4 февраля 1929 г. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 308. Л. 7.

¹⁷ Заявление Иванова Г.А. в Октябрьский районный совета депутатов трудящихся г. Новосибирска от 7 декабря 1934 г. // Там же. Д. 623. Л. 4.

¹⁸ Жалоба Артамонова И.В. в Сибирскую краевую избирательную комиссию [1929 г.] // Там же. Д. 2052. Л. 11 об.

¹⁹ Заявление Абалдуева И.М. в Новосибирский городской совет от 20 января 1927 г. // Там же. Д. 5. Л. 11.

²⁰ Заявление Азарова И.М. в Новосибирский городской совет [не дат.] // Там же. Д. 18. Л. 9.

²¹ Заявление Абрамова Н.А. финансовому инспектору 4-го участка по г. Новосибирску [1930] // ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 10. Л. 6.

²² Заявление Гредюхина В.К. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 19 января 1929 г. // Там же. Д. 408. Л. 1.

²³ Заявление Барбасенко Д.К. в Новосибирский городской совет от 9 февраля 1929 г. // Там же. Д. 107. Л. 8.

построен, рабочие живут не лучше, а жизнь представляет собой постоянную борьбу не в силу ошибок вождей или изъяна марксистской идеологии, а потому, что классовые враги – саботажники, вредители, белогвардейцы и монархисты – ведут тайную войну с целью разрушить Советский Союз изнутри. Нападки на старую элиту стали легким способом упрочить свою популярность и доказать приверженность власти интересам народа»²⁴.

Преступные действия становились характерной чертой образа «лишенца» в пропаганде. Так, 5 февраля 1927 г., в разгар перевыборной кампании, в газете «Советская Сибирь» была опубликована информационная сводка под названием «Месть кулаков», в которой содержались сведения об убийстве «лишенцами» местного активиста в станице Долон²⁵. На следующий день в газете вышла статья корреспондента И. Воробьева «Письмо из деревни. Из опыта предвыборной кампании (Алексеевский район Новосибирского окр.)», в которой давалась характеристика «лишенцев»: «Прочтите список за списком и перед вами встанет яркая плеяда типичных фигур, определенно враждебных советскому строительству в деревне и ведущих то открытую, то еще чаще скрытую борьбу против всех ее начинаний»²⁶. Ходатайства «лишенцев», по мнению автора статьи, являются набором «ханжества, лицемерия и просто цинизма»²⁷. Через подконтрольные периодические издания власть пыталась объяснить советским гражданам разных лет и занятий значение выборов и перевыборов в советы, а также смысл ограничения «лишенцев» в участии в местном управлении.

«Лишенцы», как и полноправные граждане, не только подвергались влиянию пропаганды, но и пытались использовать ее стереотипы в своих интересах. Авторы ходатайств, описывая свой дискриминационный статус, не идентифицировали себя с «лишенцами», а с помощью различных языковых конструкций показывали свое явное недоброжелательное отношение к зачислению в «лишенцы». Среди таковых слова «враг», «вражеский», «враждебный», «элемент», «чуждый», «пятно», «позор», «клеймо» и пр. Нередко указанные языковые конструкции сопровождались словами, противоположными негативным коннотациям – «защитник», «трудящийся», «помощник» и др. Последнее объясняется стремлением «лишенцев» показать свою значимость и необходимость для советского общества и лояльность советской власти.

Государство, ставившее целью кампании «лишенчества» обеспечение контроля над потенциально чуждыми ему группами населения, добивалось этого при помощи комплекса дискриминационных ограничений, которые следует разделить на две группы – *основные и сопутствующие*. К первой группе относятся запреты в избирательной сфере, впервые провозглашенные в Конституции РСФСР 1918 г. (потеря пассивного и активного избирательного права). Группа сопутствующих ограничений включала различного рода дискриминационные меры, которые не всегда закреплялись юридически, поэтому узнать обо всех ограничениях в жизни «лишенцев» возможно только на основе их ходатайства. В табл. 3 представлены сопутствующие ограничения, упомянутые «лишенцами» Новосибирска в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах.

Таблица 3

Количество упоминаний сопутствующих ограничений в ходатайствах «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 гг.) (чел., %)*

№	Вид ограничения	Кол-во «лишенцев»	%
1	Трудовая дезадаптация (потеря работы/невозможность найти новую и пр.)	82	65,6
2	Исключение из коллективных хозяйств	2	1,6
3	Увеличение налогов, дополнительное налоговое бремя	6	4,8

²⁴ Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М., 2023. С. 19–20.

²⁵ Советская Сибирь. 5.02.1927. № 29 (2170). С. 2.

²⁶ Советская Сибирь. 6.02.1927. № 30 (2171). С. 2.

²⁷ Там же.

Окончание табл. 3

№	Вид ограничения	Кол-во «лишенцев»	%
4	Конфискация имущества, выселение из домов/квартир	9	7,2
5	Высылка, ссылка	5	4
6	Исключение из образовательных учреждений	6	4,8
7	Запрет службы в Красной армии; служба в тыловом ополчении	12	9,6
8	Лишение продовольственных карточек	3	2,4
Всего		125	100

* Составлено по: Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Таким образом, в нашей выборке наибольшее число раз среди всех видов сопутствующих ограничений упоминалась трудовая дискриминация. Новосибирские «лишенцы» писали о проблемах, связанных с потерей работы и невозможностью найти новую (в табл. 4 представлена классификация «лишенцев» в зависимости от их трудовой характеристики до и после дискриминации).

Таблица 4

Трудовая адаптация «лишенцев» в 1925–1936 гг.
(по материалам ходатайств «лишенцев» Новосибирска)*

№	Краткое описание группы	Кол-во «лишенцев»	%
1	Имели работу, на которой остались после лишения	80	24,4
2	Имели работу, но потеряли ее после лишения, смогли найти новую	22	6,7
3	Имели работу, но потеряли ее после лишения, новую найти не смогли	53	16,2
4	Не имели работу до лишения, но смогли найти ее после	26	7,9
5	Не имели работу до лишения и не смогли найти ее после	29	8,8
6	Состояли в колхозах до лишения, но исключены из них после лишения. Новую работу найти не смогли	2	0,6
7	Не указали сведения о трудовой биографии в ходатайстве	116	35,4
Всего		328	100

* Составлено по: Личные дела «лишенцев» Новосибирска // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а.

Трудовая дезадаптация и потеря в связи с этим постоянного заработка являлись первостепенными причинами желания «лишенцев» избавиться от дискриминационного статуса. Необходимо также учитывать факт того, что дополнительные ограничения могли накладываться в совокупности на одного «лишенца». При осуществлении таких ограничений, как конфискация имущества, дополнительное налоговое обложение и потеря возможности получить хлебные карточки, редко учитывалось имущественное положение лиц, попавших под дискриминацию, о чем свидетельствуют ходатайства «лишенцев».

Сельские «лишенцы», попавшие под различного рода дискриминационные меры, переезжали в Новосибирск в надежде найти заработок. В ходатайствах указанных «лишенцев» присутствует информация о сопутствующих ограничениях, характерных для сельской местности. Постановление ЦИК и СНК СССР «О едином сельскохозяйственном налоге» от 21 апреля 1928 г.²⁸ устанавливало для «лишенцев» систему налогообложения, основанную на решениях местных органов власти. Новосибирский историк В.А. Ильных справедливо отмечает: «Вводя ЕСХН, государство запретило местным органам управления

²⁸ СЗ СССР. 1928. № 24. Ст. 212.

учреждение каких-либо иных налогов. В то же время законодательство допускало добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов. С так называемых лишенцев взимался денежный «сбор с лиц, лишенных права быть сельскими исполнителями»²⁹. В отдельных случаях местные советы включали граждан, обложенных индивидуальным налогом, в списки на лишение избирательных прав. Однако 4 ноября 1933 г. секретариат Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета перенаправил городским советам и исполнительным комитетам края письмо Всероссийской центральной избирательной комиссии «Об избирательных правах лиц, указанных в п. “б”, ст. 85 положения о сельскохозяйственном налоге на 1933 год»³⁰, в котором устанавливалось разграничение налоговой и избирательной дискриминаций. Лица, обложенные индивидуальным налогом, не должны были включаться в списки «лишенцев» без оснований, указанных в избирательных инструкциях и Конституции. Однако за «злостное невыполнение планов посева и других установленных законов государственных обязательств» на указанных лиц распространялась дискриминация в виде лишения их права участия в выборах.

Невозможность оплаты различных налогов вынуждала «лишенцев» не только обращаться в финансовые отделы для обжалования установленных сумм, но и распродавать собственное имущество при наличии такового. Так, например, житель Новосибирска А.В. Болдырев, лишенный в 1933 г. избирательных прав как сын священнослужителя, в своем ходатайстве указал: «За неуплату самообложения или какого-то другого сбора было распродано все имущество включительно до постельного белья»³¹. Однако конфискация имущества нередко проводилась и без индивидуального обложения. В ходатайствах «лишенцев» выборки зафиксированы факты частичной и полной конфискации личного имущества «лишенцев». С.З. Богинский, лишенный избирательных прав за торговлю, указывал в своем ходатайстве следующую информацию о конфискации имущества: «забрали у меня все имущество: лошадь, корову, бричку и вообще все хозяйство[,] и выгоняют меня с малолетними детьми из дома»³².

Городские «лишенцы» подвергались распространенной дискриминационной практике со стороны местных органов власти в виде выселения из муниципальных домов и конфискации недвижимого имущества. Д.Е. Барабанов, лишенный избирательных прав за занятие торговлей, указал в ходатайстве: «все нажитое при царском режиме торговлей, заключающее в двух домовладений, муниципализировано в 1920 году»³³. Жилищная дискриминация, выходящая за пределы законодательства, в апреле 1930 г. стала предметом внимания Наркомата внутренних дел РСФСР. В циркуляре «О недопустимости установления специальных ограничений, не предусмотренных законодательством, в отношении лиц, лишенных избирательных прав» от 24 апреля 1930 г.³⁴ запрещался целый ряд сопутствующих ограничений в сфере недвижимости. Во-первых, запрещалась муниципализация строений, принадлежащих «лишенцам». Кроме того, устанавливался запрет на расторжение договоров застройки только лишь «по мотивам принадлежности застройщика к категории лишенцев»³⁵. Однако наиболее важным пунктом являлся запрет на выселение «лишенцев» из муниципального жилья, поскольку, по словам авторов циркуляра, «в существующем законодательстве

²⁹ Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // *Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920 гг.)*. Новосибирск, 2004. С. 203.

³⁰ ГАНУ. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 2425. Л. 186.

³¹ Заявление Болдырева А.В. в Новосибирский городской совет от 16 ноября 1933 г. // Там же. Д. 187. Л. 2.

³² Заявление Богинского С.З. в Черепановский районный исполнительный комитет от 16 апреля 1930 г. // Там же. Д. 168. Л. 7.

³³ Жалоба Барабанова Д.Е. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 28 апреля 1930 г. // ГАНУ. Ф. Р-1347. Д. 106. Л. 7.

³⁴ Циркуляр НКВД № 248 «О недопустимости установления специальных ограничений, не предусмотренных законодательством, в отношении лиц, лишенных избирательных прав». 24 апреля 1930 г. // *Жилищный справочник для судебных работников / сост. С.Б. Ястржембский, И.Б. Самбур, С.М. Гинзбург. М., 1935. С. 379–380.*

³⁵ Там же. Л. 379.

отсутствует запрещение проживания в домах муниципального фонда лицам, лишенным избирательных прав»³⁶.

Зафиксированные в ходатайствах «лишенцев» сведения о различных формах дискриминации позволяют сделать вывод о существенном влиянии последних на социально-экономическую жизнь лиц, исключенных из избирательной системы советского государства. Ограничения, не закрепленные на уровне законодательства, находили свое практическое осуществление в Новосибирске. Выселение из домов, конфискация имущества, повышенные налоговые ставки и другие «лишения» вынуждали попавших под дискриминацию бороться за восстановление в избирательных правах. Последнее, однако, было затруднено прежде всего введением в 1926 г. правила о необходимости наличия пятилетнего трудового стажа³⁷. Таким образом, нормы советского государства вступали в противоречие друг с другом, создавая на практике препятствия для включения «лишенцев» в правовую систему постреволюционного общества. Тем самым в большинстве рассмотренных нами случаев борьба «лишенцев» за восстановление в правах, в том числе и трудовых, оказывалась внутри замкнутого бюрократического круга: «Таким образом[,] получилось, что я вычищен потому, что лишен избирательных прав, а лишен избирательных прав потому, что вычищен. Получился заколдованный круг, из которого невозможно выбраться»³⁸. Массовые увольнения создавали ситуацию, при которой в условиях острой нехватки кадров в ключевых сферах экономики и государственного управления параллельно усиливался рост безработицы для лиц, лишенных избирательных прав.

Литература

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М.: Наука, 1972. 360 с.

Ильиных В.А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920 гг.). Новосибирск, 2004. С. 175–208.

Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105.

Ким А.И. Советское избирательное право: Вопросы теории избирательного законодательства и практики его применения. М.: Юридическая литература, 1965. 212 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. 91 с.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М.: ВПШ и АОН, 1960. 103 с.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2002. 808 с.

Саламатова М.С. Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 340 с.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. М.: Звенья, 1996. С. 9–23.

Смит Д. Бывшие люди. Последние дни русской аристократии. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 400 с.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Мосгорархив, 1998. 256 с.

³⁶ Циркуляр НКВД № 248... Л. 379.

³⁷ СУ РСФСР. 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 19.

³⁸ Ходатайство Бульвахтера М.И. в Новосибирскую окружную избирательную комиссию от 16 января 1930 г. // ГАНО. Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 224. Л. 15.

Филимонов В.Г. Первая советская Конституция. М.: Госюриздат, 1960. 77 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М.: Издательство Московского университета, 1984. 206 с.

Sidanius J., Pratto F., Devereux E. A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes [Электронный ресурс] // *The Journal of Social Psychology*. 1992. Vol. 132, Iss. 3. P. 377–395. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713> (дата обращения: 10.03.2023).

References

Chistyakov, O.I. (1984). *Konstitutsiya RSFSR 1918 g.* [The Constitution of Russia 1918]. Moscow. 206 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg, pp. 600–628.

Filimonov, V.G. (1966). *Pervaya sovetskaya Konstitutsiya* [The First Soviet Constitution]. Moscow, Gosyurizdat. 77 p.

Ilinykh, V.A. (2004). Selskohozyaystvennyy nalog v sibirskoy derevne v 1924–1928 gg. [Agricultural Tax in the Siberian Village, 1924–1928]. In *Nalogi i zagotovki v sibirskoy derevne (1890–1920 gg.)*. Novosibirsk, pp. 175–208.

Ivniitskiy, N.A. (1972). *Klassovaya bor'ba v derevne i likvidatsiya kulachestva kak klassa* [Class Struggle in the Countryside and the Elimination of the Kulaks as a Class]. Moscow. 360 p.

Kilin, A.P. (1997). Kategorii grazhdan, lishennykh izbiratelnykh prav v 1920-e gody (analiz instruktsiy o vyborakh v Sovety) [Categories of Citizens Deprived of Voting Rights in the 1920s (Analysis of Instructions on Elections to the Soviets)]. In *Istoriya repressiy na Urale: ideologiya, politika, praktika (1917–1980-e gg.)*. Yekaterinburg, pp. 95–105.

Kim, A.I. (1965). *Sovetskoe izbiratelnoye pravo: Voprosy teorii izbiratel'nogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Electoral Law: Issues of the Theory of Electoral Legislation and the Practice of Its Application]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. 212 p.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Morozov, L.F. (1960). *Reshayushchiy etap bor'by s nepmanskoy burzhuziyei (1926–1929 gg.)* [The Decisive Stage of the Struggle against the Nepman Bourgeoisie (1926–1929)]. Moscow. 103 p.

Parsons, T. (2002). *O strukture sotsial'nogo deystviya* [About the Structure of Social Action]. Moscow, Akademicheskii Proekt. 808 p.

Salamatova, M.S. (1996). Lishenie izbiratelnykh prav v Novosibirske v 1927–1936 gg. [Disenfranchisement in Novosibirsk in 1927–1936]. In *Korni travy*. Moscow, Zvenya, pp. 9–23.

Salamatova, M.S. (2018). *Vybory v Sovetskoj Rossii: zakonodatelstvo i praktika realizatsii (1918–1936 gg.)* [Elections in Soviet Russia: Legislation and Implementation Practices (1918–1936)]. Novosibirsk, NGUEU. 340 p.

Sidanius, J., Pratto, F., Devereux, E. (1992). A Comparison of Symbolic Racism Theory and Social Dominance Theory as Explanations for Racial Policy Attitudes. In *The Journal of Social Psychology*. Vol. 132, Iss. 3, pp. 377–395. Available at: URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00224545.1992.9924713> (date of access 10.03.2023).

Smit, D. (2023). *Byvshie lyudi. Poslednie dni russkoy aristokratii* [Former People. The Last Days of the Russian Aristocracy]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov, 256 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.